
РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Языковая репрезентация русской цивилизации

В.Н. ЛЕКСИН*

*Лексин Владимир Николаевич – главный научный сотрудник, Институт системного анализа (РАН). Адрес: 117312, Москва, проспект 60-летия Октября, д. 9. E-mail: leksinvn@yandex.ru.

Предлагаемая читателю публикация является своеобразным продолжением статьи о русской цивилизации в журнале «Мир России» (2012 г., № 4), в которой о языке как об одном из сущностных оснований этой цивилизации говорилось весьма фрагментарно. Языковая проблематика вообще оказалась на периферии научных интересов историков, этнологов, социологов и экономистов, изучавших разные грани жизни давних и современных цивилизаций, но, к счастью, эту исследовательскую лакуну блестяще восполнили лингвисты и филологи, оказавшиеся и наиболее активными в оценке последствий новейших трансформаций языка для нашего общества. Связь русского языка и русской цивилизации может быть прослежена практически по всем направлениям современной цивилизационистики, но на небольшом текстовом пространстве этой статьи я счел возможным, прежде всего, обратить внимание читателя на такие особо значимые для представления о нашей цивилизации вопросы как русский языковой менталитет, русская языковая картина мира, присущая русскому языку аксиоматика и (очень кратко) современная жизнь церковнославянского языка. Я постараюсь также охарактеризовать дискуссионные проблемы функционирования русского языка в принципиально новых условиях (глобализация, интернет и т.п.) и оценить реальное место русского языка как государственного среди десятков других государственных языков современной России.

Ключевые слова: русский язык, цивилизация, менталитет, картина мира, церковнославянский язык, англицизмы, государственный язык

Постановка проблемы

Смысл и многообразные функции слова занимали ученых с самого начала зарождения науки, но никогда еще языковая проблематика не была столь актуальной как в наше время. Язык стал важнейшей составляющей философского мейнстрима,

в первую очередь, герменевтики, структурализма и постструктурализма, структурного психоанализа, аналитической и постаналитической философии. Не в последнюю очередь, в связи с теоретическим переосмыслением знаковой сущности слова, стало возможным создание таких оснований индустриального, постиндустриального и информационного обществ как тотальная компьютеризация, все виды IT-технологий, интернет и начавшееся использование разработок в сфере искусственного интеллекта. Слово обрело новую и совершенно самостоятельную жизнь в социальных сетях принципиально новых глобально-виртуальных сообществ.

Неудивительно, что литература по языковой проблематике – огромна и в ней при небольшом усилии несложно найти много прямых сопряжений с тематикой этой статьи. В связи с этим не могу не назвать две замечательные публикации: недавно вышедшую переизданную монографию Т.Б. Радбиля о языковом менталитете [Радбиль 2012] и великолепное собрание трудов статей Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева о русской языковой картине мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012]. Именно эти работы в значительной степени подвигли меня вернуться к прочитанным в разное время классическим текстам В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни, позднего Л. Витгенштейна и П.А. Флоренского, М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева вкупе с популярными публикациями наших современников (В.В. Библихина, Ю.Д. Апресяна, А.А. Зализняка, Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова, О.А. Корнилова, Д.С. Лихачева, В.Н. Топорова и др.), что, в конечном счете, позволило укрепить авторитетом специалистов мою убежденность в *первостепенном значении языка цивилизации для ее становления и существования*.

Связующее значение языка для консолидации любых, а тем более цивилизационных сообществ не требует доказательств, но его действительная роль в этом процессе не ограничивается одними коммуникативными функциями: он не только связывает людей, но и фиксирует *сущностно близкие константы их мировидения* – важнейшее условие цивилизационного сосуществования. Язык, по прекрасному определению В.В. Библихина, есть «первичная наиболее естественная и общедоступная репрезентация мира...Язык сращен с интуитивно-практическим познанием мира (до-сознательным ощущением возможностей), исходным знанием человека» [Библихин 2010, с. 505–507]. При этом добавлю, что «исходное знание» становится *знанием*, способным к фиксации и ретрансляции, только при наделении его словесной телесностью. Да, мысль (чаще всего в виде образа) может быть первичной по отношению к языку, но она обретает форму и энергию только в слове; перефразируя известнейшую тютчевскую строку, могу утверждать: *«мысль изреченная есть мысль»*.

Пиетет перед словом издревле был связан с его сакральностью¹, но со временем ученые выявили и другие, не менее существенные духовные зависимости жизни общества от его языка. Почти двести лет назад всемирно известный лингвист В. фон Гумбольдт в большом теоретическом предисловии² к труду об одном из языков народов о. Ява писал: «Язык есть не продукт деятельности, а деятельность...

¹ Человек издавна ощущал себя только со-творцом «божественного глагола». В древнем Египте Птах одновременно создавал и словесно обозначал каждую вещь. В одном из гимнов Ригведы именно слово вызывает к жизни богов и создает мир. «В начале было Слово», – говорит евангелист, и в христианской традиции и Троичный Бог, и Иисус Христос часто именуется Словом.

² «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода».

Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать звук пригодным для выражения мысли... Он не просто является, как обычно утверждают, отпечатком идей конкретного народа... Он есть совокупная духовная энергия народа... мир, в котором мы живем, есть... именно тот мир, в который нас помещает язык, на котором мы говорим». К идее о связи языка народа и его «духа» В. фон Гумбольдт возвращается снова и снова: «Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и последовательно один за другой, а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности... язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». И далее: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 1984, с. 78–81]. В контексте нашего исследования эти мысли великого лингвиста означают то, что цивилизационное сообщество живет до тех пор, пока оно не выходит за пределы «круга» *своего* языка, и то, что оно перерождается, теряя *свой* язык.

Последующие исследования подтвердили слова В. фон Гумбольдта о том, что мы во многом видим мир так, как нам преподносит язык и что один и тот же мир в его онтологических и случайных проявлениях по-разному видят и ощущают люди разной языковой культуры и цивилизационной принадлежности. Так, американский лингвист Б.Л. Уорф писал: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка. Это соглашение, разумеется, никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и, тем не менее, мы – участники этого соглашения; мы вообще не сможем говорить, если только не подпишемся под систематизацией и классификацией материала, обусловленной указанным соглашением» [Уорф 1960, с. 5–31]. Естественно, это суждение – лишь гипотеза, но, как мне представляется, весьма правдоподобная.

Цивилизационное сообщество существует до тех пор, пока его главные основания – язык, отношение людей к фундаментальным ценностям, ментальность, религиозное чувство – сохраняют свою особость и находятся в относительной гармонии. *И самое постоянное среди этих оснований – язык.* «Мы живем, – пишет Т.Б. Радбиль, – в культурной среде, в культурной оболочке нашего языка. Язык незаметно для нас пронизывает все области нашего опыта взаимодействия с внешним миром и все попытки заглянуть в себя, он незримо присутствует в нашей сфере ценностей и системе жизненных установок, определенным образом окрашивая и интонируя нашу познавательную и ориентационную деятельность по отношению к экстралингвистической реальности. Не случайно выдающийся философ А. Хайдеггер назвал язык “домом бытия”, тогда как традиционный взгляд на вещи вроде бы предполагает обратное – “бытие есть дом языка”» [Радбиль 2012, с. 20].

«Дом бытия», участвовавший в становлении нашей цивилизации и ставший ее важнейшим атрибутом, – это *русский язык* со всеми его диалектами, заимствованиями, книжными и церковнославянскими включениями, жаргонно-сленговыми новациями. И в то же время я утверждаю, что сейчас наш «дом бытия» – язык русский *литературный*. При всей моей любви к этимологическим поискам я далее буду говорить не о сокровищах пока еще сохранившихся народных говоров, а о том языке, на котором говорит большинство моих сограждан. И следует сказать особо о том, что он стал иным менее века назад.

Трансформацию русского языка после 1917 г. обычно связывают с вхождением в обиход новой лексики (партийно-политической, технической и т.п.), обусловленной и новой (советской) идеологией, и коллективизацией сельского быта, и индустриализацией, ускорившей процессы урбанизации. Но, по моему разумению, самая большая лингвистическая новация того времени – *стирание граней между разговорной речью и литературным языком*. Практически полная ликвидация неграмотности, обязательное школьное образование, огромные тиражи раскупаемых книг и получаемых газет, тотальная радиофикация (часто предшествовавшая электрификации) оставили дореволюционные народные говоры лишь в отдаленных местностях и, как правило, у людей старшего поколения. *Постреволюционная Россия заговорила на книжном языке*, – зачастую примитивном, насыщенном газетными штампами, непоправимо обедненным и предельно унифицированным; остались лишь фонетическая (ударения, мягкость или жесткость произнесения ряда согласных и т.п.) разница в произнесении одних и тех же слов да постепенно утрачиваемые диалектизмы. В России практически закончился период двуязычия (разговорный и литературный язык), начавшийся с момента появления церковнославянской письменности.

«На заре русской истории, – пишет А.Н. Кожин, – в пору становления и расцвета Киевского государства, литературный язык – важнейшее средство письменного общения; на нем создавались деловые государственные и частные акты, документы юридического содержания, произведения историко-художественного характера, литературно-художественные памятники. В эту пору древнерусский литературный язык, опирающийся, с одной стороны, на церковнославянскую письменность, а с другой – на нормы деловых памятников, был языком церковно-риторической и светской письменности восточных славян – предков русского, белорусского и украинского народов... Литературный язык – национальное достояние русского народа, форма существования русской культуры» [Кожин 1981, с. 27]. Все это так, но почти все русское население говорило отнюдь не на описанном А.Н. Кожиним литературном языке, да и немногая часть русских, писавших и читавших на нем, в обиходе пользовалась языком разговорным. И очень медленно, синхронно с распространением грамотности, литературный язык начал замещать разговорный; практически полное его замещение совершила, повторю, революция 1917 г. Поэтому то, что *говорилось* по-русски, стало равнозначным *написанному*.

Признание *доминирующей литературной* формы современного русского языка (какой бы огрубленный, упрощенный и часто карикатурный вид эта форма не принимала) весьма важно для представления о судьбе нашего языка в современных условиях демонстративного «культурно-революционного» отказа от норм и правил русского *литературного* языка, в условиях вытеснения его из школьных программ и «сетевой» инвалидизации и т.п. Об опасности утраты и сознательного пренебрежения своим языком как симптоме надвигающейся национальной

катастрофы давно и обоснованно говорят ученые, но в наиболее обостренной форме ощущают эту опасность учителя, писатели и поэты³.

Язык – один из самых парадоксальных устоев цивилизационных сообществ: он *одновременно* консервативен и невероятно пластичен, устойчив в своей основе и обладает огромной ассимиляционной емкостью. Он способен постоянно вбирать иноязычное, но оставляет в долгосрочном пользовании лишь немного, да и то в виде, измененном по своему образу и подобию. Естественный язык каждой локальной цивилизации живет в режиме непрерывной самоорганизации: его скачкообразные или, наоборот, постоянные и неторопливые изменения можно отслеживать и частично корректировать, но управлять его эволюцией никогда и никому не удавалось.

Я хотел бы закончить это введение к статье словами, которые могли бы стать к ней эпиграфом. «Нам в каком-то смысле повезло, – пишет И.Б. Левонтина. – В отличие от многих европейских языков, интенсивное формирование современного литературного русского языка замечательным образом совпало с формированием национального самосознания... Отсюда две важные особенности русской культурно-языковой ситуации. Во-первых, стереотипы “национального характера” выражены в русском языке особенно ярко: ведь они складывались в период, когда язык, обычно консервативный, был пластичен и готов к закреплению новых смыслов. Во-вторых, русской культуре и до сих пор свойственны повышенная языковая рефлексия и представление о непереводаемости русских слов и понятий» [*Записки, Левонтина, Шмелев 2012, с. 320–321*].

Языковой менталитет русского человека

В уже процитированной книге о языковом менталитете Т.Б. Радбиль определяет его как «*национально-специфический способ знакового представления знания о мире, системы ценностей и моделей поведения, воплощенный в семантической системе национального языка*». Он пишет также, что «в духе А. Вежбицкой (известного лингвиста, одна из книг которой, изданная в России в 1996 г., называется «Язык. Культура. Познание» – *В.Л.*) можно предложить совсем лапидарное определение, которое, тем не менее, “схватывает” всю суть этого феномена: “*языковой менталитет – это наш способ жить, думать и разговаривать*”» [*Радбиль 2012, с. 66*].

О том, что такое менталитет в контексте рассматриваемой в этой статье цивилизационной проблематики, говорилось в моей предыдущей публикации [*Лексин (2) 2012*]. Языковой же менталитет определяется заложенными в лексико-грамматический строй языка словами-образами русского мира, архитипичными по сути и, к сожалению, быстро утрачиваемыми в последние десятилетия. Что-то подобное происходило в двадцатых годах прошлого века (во время постреволюционного «освобождения от проклятого прошлого»), но, к счастью, отрезвление пришло быстро, и в школьное образование, в радиопередачи, в издательскую деятельность стала

³ В феврале 1942 г., когда решалась судьба русской цивилизации, Анна Ахматова писала: «Не страшно под пулями мертвыми лечь, Не горько остаться без крова, И мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово. Свободным и чистым тебя пронесем, И внукам дадим, и от плена спасем Навек!».

поспешно и обильно вводиться русская классическая литература – хранитель ментально-языковых ценностей. Немалое внимание стали уделять сбору, изучению и пропаганде русского фольклора, русской былины и русской сказки; и вблизи от крупных городов, и в самых потаенных местах страны можно было встретить так называемые «фольклорные экспедиции». Знаковыми в ряду многих событий такого рода я считаю триумфальные выступления на сцене и на радио великой сказительницы М.Д. Кривополеновой и издание великолепных книг Б.В. Шергина.

Языковой менталитет – ярчайшая характеристика индивида и этноса, что хорошо осознается писателями (вспомним речь персонажей Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова или А.Н. Островского). Современный исследователь аргументировал в связи с этим целесообразность установления такого понятия, как «языковая личность», выделив в структуре этой личности три уровня: вербально-семантический (исходный, но главный), лингво-когнитивный (ответственный за индивидуализацию познавательной энергии личности) и мотивационно-прагматический (определяющий языковую деятельность в связи с мотивациями конкретной деятельности человека) [Караулов 1987, с. 37–58]. Анализируя известную книгу Ю.Н. Караулова, Т.Б. Радбиль замечает, что этот – третий – уровень языковой личности «представлен особой сетью коммуникативных потребностей, с ним связаны вкусовые предпочтения, излюбленные модели высказываний, прецедентные тексты, используемые личностью, разнообразные эмоциональные и оценочные коннотации, субъективная модальность и пр. Этот уровень является источником языковой активности личности, поскольку воплощает ее духовный мир, своего рода “самоопределение” личности в мире» [Радбиль 2012, с. 67].

Развивая положения Ю.Н. Караулова о структуре «языковой личности», Т.Б. Радбиль предложил свою четырехчастную структуру, сопроводив каждый выделенный им уровень характерными русскоязычными примерами. «Вербально-семантический уровень, – пишет Т.Б. Радбиль, – отражается в неповторимых национально-специфичных “конфигурациях смысла”, воплощенных в особенностях лексической, словообразовательной и грамматической семантики данного языка. Это выявляется как и в установлении существенных семантических различий при сопоставлении примерно сходных фактов в разных языках, так и в установлении безэквивалентных лексических единиц, грамматических категорий и синтаксических моделей. Подтверждающих это примеров очень много, но я ограничусь только двумя. Первым из них может служить русское слово “друг”, не имеющее по смыслу ничего общего, например, с английским friend, что, вероятно, соответствовало бы русскому “приятель” (согласитесь, что “приятель” и “друг” в русском языке означают принципиально разную степень межличностных отношений). А произведенное от английского и вошедшее в молодежный жаргон “бой-френд” означает всего лишь “временный сожитель” (проще – “любовник”). Для того чтобы перевести на английский русское “друг” хотя бы в некотором соответствии с его ментальным смыслом, видимо, потребовалось бы словосочетание close friend. Характерно и свойственное русским людям множественное словообразование личных имен; так, Иван становится Иванушкой, Ваней, Ванюшей, Ваняткой, Ванечкой (словарь русских имен дает десятки обозначения этого и других имен). А. Вежбицкая считала это признаком склонности русских к “контактам на основе эмоциональной близости”. В английском языке число таких измененных форм одного и того же имени составляет от двух до максимум четырех» [Радбиль 2012, с. 68–73].

Второй, предложенный Т.Б. Радбилем *уровень знания о мире* характеризует-ся им как уровень «лингвокогнитивный, или уровень языковой концептуализации мира, который отражается в так называемой языковой картине мира данного языка. Это собственно “содержательный” уровень языкового менталитета, воплощающий представления этноса о времени и пространстве, о человеке и природе, о мире производственной и социальной деятельности и пр. Эти представления выявляются в особом роде единицах “языка мысли” и ментальных репрезентациях, главной из которых является концепт» [Радбиль 2012, с. 69]. Таково, например, свойственное людям русской ментальности, сохранение в языке архетипической (мифологической) циклической модели времени – «как представление о прошлом как *то, что впереди* (пространственный предлог *перед* (ср. *вперед*) во временном значении означает *до, раньше* (сравним также значение приставки в словах *пред-ыдущий, пред-шествующий*), представление о геоцентрической модели мира (*солнце заходит, солнце восходит*), о том, что земля плоская и имеет край (*на краю земли*)» [Радбиль 2012, с. 69].

«Русский язык, – пишет Т.Б. Радбиль, – предпочитает особую схему концептуализации события или внутреннего состояния, при котором реальный субъект действия или состояния осмысливается как объект данного действия или состояния (*мне стыдно, а не я испытываю стыд*). Эта черта языкового менталитета называется *неагентивность*, при которой субъект не контролирует состояние, а напротив, рассматривается в качестве его пассивного объекта» [Радбиль 2012, с. 70].

Уровень системы ценностей в структуре «языковой личности» в цитируемой книге характеризуется исключительно интересным примером языкового подчеркивания русскими *преимущественно негативного*, поскольку «коллективное сознание положительное воспринимает как норму». Так, «качество» («качественный») часто означает *хорошее* качество (вспомним советский «знак качества»), «умный» – не просто имеющий ум, а имеющий *хороший* ум (отсюда «умники и умницы») и т.д. Примечательная черта национального характера, не стремящегося к положительным преувеличениям (выражение «ума палата» скорее звучит иронически).

Четвертый (по Т.Б. Радбиллю) *мотивационно-прагматический* уровень в структуре «языковой личности» мы обнаруживаем в удивительных, свойственных только русским, формулах речевого этикета, в особых интонациях и т.п., используемых для просьб, пожеланий, намерений. Здесь и устойчивые непереводимые выражения, например, «Вы последний» (крайний в очереди), «не могли бы Вы сказать» и т.п.

Исследование процесса («схемы») складывания языкового менталитета представлено в монографии О.А. Корнилова, который пишет: «Национально-специфический компонент сознания формируется при определяющей роли совокупности факторов среды бытования этноса на раннем этапе своего существования, когда под воздействием природно-климатических условий формируются типичные национальные черты, которые отражаются и закрепляются в языке, становясь *социально наследуемыми*. Впоследствии при изменении или исчезновении тех или иных внешних факторов национальное мышление не перестает ощущать их влияние, поскольку ментально-лингвальный комплекс нации уже сформирован и постоянно самоверифицируется под действием национального языка, “помнящего” действие изменившихся, исчезнувших или потерявших свою значимость факторов внешней среды обитания народа» [Корнилов 2003, с. 124–125]. На этом фоне формируется *общерусский языковой тип*, то есть по

определению О.А. Корнилова «такие системно-структурные черты языкового строя, которые, будучи пронесены через историческое время и эволюционируя в нем, т.е. меняясь в сторону усложнения, некоторым инвариантным образом преломляются в сознании носителя языка и позволяют ему как-то... опознать “русскость” какого-то текста, той или иной фразы, конструкции или отдельного слова... Единицу языкового сознания, отражающую определенную черту языкового строя, или системы родного языка, которая обладает высокой устойчивостью к вариациям и стабильностью во времени, т.е. интегрирует свойства изоглоссы и хроноглоссы на уровне языковой личности, назовем психоглоссой. Набор психоглосс, вероятно, и должен определять содержание общерусского языкового типа» [Корнилов 2003, с. 124–125].

Этот же автор пишет и о хорошо ощущаемой «русскости» в текстах или в разговорной речи даже в тех случаях, когда смысл их (и даже значений отдельных слов) нам неясен. Он говорит о том, что это происходит, «прежде всего, за счет привычного для слуха их фонетического оформления и интонации, далее, за счет угадываемой с помощью флексий, порядка слов и союзов синтаксической роли и соответственно частеречной принадлежности, согласования в словосочетаниях, указаний на падежи и лица глаголов, глагольное и предложное управление, за счет формообразующих и словообразовательных формантов, вызывающих в сознании соответствующие шаблоны, стереотипы. Если же к перечисленным явлениям, составляющим грамматический уровень языкового сознания, или *грамматикон языковой личности*, добавить отсутствующие в приведенных фразах явления лексико-семантического уровня, – корни русских слов с ореолом значений, образующим этимон каждого корня, достаточно устойчивую часть в наборах слов, составляющих ассоциативные поля и стандартные ассоциативные цепочки, типовые, т.е. обладающие высокой прецедентностью словосочетания, – то мы и получим как раз примерный перечень черт общерусского языкового типа, преломленный сознанием носителя русского языка». Замечу, что когда я учился в школе, пример обнаружения такой «русскости» нам предлагали в форме знаменитой фразы академика Л.В. Щербы: «глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка».

В некогда нашумевших «Записках о русском» авторитетнейший ученый писал о том, что главное в русском национальном характере и в его манере вести себя по отношению к людям остается неизменным на протяжении веков и сохраняется в определенных формах *речевого поведения*, которые фиксируются в фольклоре, в древнерусской и классической русской литературе, а также в бытовой речи современных людей. Д.С. Лихачев приводит в связи с этим пример особой задушевной манеры русских обращаться к незнакомым людям посредством терминов родства (*дочка, сынок, бабушка* и т.д.): «Когда хочешь вспомнить о человеке с ласкою, то мысль невольно кружится вокруг того, что у него были родные – может быть, дети, может быть, братья и сестры, жена, родители» [Лихачев 1987, с. 418–494].

Языковой менталитет при всей его устойчивости способен адаптационно изменяться, особенно под воздействием изменившейся среды существования народа. Но адаптационные возможности языкового менталитета не безграничны и, как пронизательно заметил в конце прошлого века В.В. Колесов, «к сожалению, сегодня во многом наше мыслительное пространство искривлено неорганическим вторжением чужеродных ментальных категорий. Возможно, в будущем и они войдут

в общую систему наших понятий, пополняя и развивая менталитет и язык. Однако рачительное и критическое отношение к этому процессу требует компетентности и осторожности» [Колесов 1999, с. 91]. Добавлю к этому, что «неорганическое вторжение чужеродных ментальных категорий» за двенадцать лет, прошедших после публикации В.В. Колесова, приобрело новую силу, и сейчас многие эксперты говорят уже не об «искривлении», а об «угрожающей деформации» при полном отсутствии «компетентности и осторожности».

Языковая картина русского мира

Со времени выявления В. фон Гумбольдтом связи национального мироощущения и мировоззрения с национальным языком (словом, грамматикой, синтаксисом и т.д.) мировая и отечественная наука доказательно подтвердила наличие такой связи и продолжает расширять поле соответствующих исследований. Особенно впечатляющи результаты исследования *языковой картины мира и языковой аксиологии*, предметов (наряду с языковой ментальностью) самым непосредственным образом входящих в круг цивилизационной проблематики.

Содержание понятия «картина мира» – отдельная и крайне интересная тема [Лексин (1) 2012, с. 120–137]. Здесь же, применительно к цивилизационным сообществам, я считаю полезным лишь напомнить о таких свойствах «картины мира», как образность, наличие устойчивой системы ценностей и сложная структура прямых и обратных связей с мировоззрением и менталитетом. В русской «картине мира» наглядно проявляется этно-национальная (более широко – цивилизационная) опосредованность специфически русского воззрения на мир и вкорененная в русский менталитет особенность языкового мышления. Автор теории языковой концептуализации мира пишет, что в «каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка. При этом образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [Апресян 1986, с. 5–33]. Добавлю, что такие «отличия» не делают образную картину мира ущербной по отношению к научной картине мира; первая – действительно несколько иная и при этом более целостная и «очеловеченная».

Суть языковой картины мира хорошо охарактеризована Анной А. Зализняк; это «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, “дискурсивных” слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний» [Зализняк 2006, с. 206–207]. При этом, как замечает Т.Б. Радбиль, языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (так как они дают «ключ» к ее пониманию). Например, ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах, как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость* (сами эти слова тоже могут быть названы ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются *лингвоспецифичными (language-specific)* в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках.

Совокупность подобных представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая *навязывается в качестве обязательной* всем носителям языка. Но почему говорящий на данном языке должен непременно разделять эти взгляды? «Потому что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, формирующий языковую картину мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005, с. 9]. Эту позицию уточняет О.А. Корнилов: «Национальная языковая картина мира является результатом отражения коллективным сознанием этноса внешнего мира в процессе своего исторического развития, включающего познание этого мира. *Внешний мир и сознание* – вот два фактора, которые порождают языковую картину мира любого национального языка» [Корнилов 2003, с. 180–181].

Не буду излагать собственные соображения о хорошо изученной специалистами специфике *русского языкового восприятия пространства и времени* – важнейших элементов нашей национальной картины мира. Напомню лишь о сделанном в свое время Д.С. Лихачевым указании на «особую значимость в русской языковой картине мира идеи открытого пространства – *воли, приволья, раздолья, простора*. При этом “пространство” входит в семантическое толкование слов, обозначающих русские лингвоспецифичные понятия, которые характеризуют внутренний мир человека. Так, *удаль*, по мнению Д.С. Лихачева, – это храбрость, помноженная на простор, а *тоска* – это, наоборот, утеснение ее, лишение пространства»⁴.

Об этом развернуто и образно пишет один из ведущих специалистов и автор более трехсот работ в области современной русистики (от культуры русской речи, аспектологии и лексической семантики до когнитивной лингвистики и концептуального анализа): «свойственное русскому языку представление о взаимоотношениях человека и общества, о месте человека в мире в целом, и в частности в социальной сфере, нашло отражение в синонимической паре *свобода–воля*. Эти слова часто воспринимаются как близкие синонимы. На самом деле, между ними имеются глубокие концептуальные различия. Если слово *свобода* в общем соответствует по смыслу своим западноевропейским аналогам, то в слове *воля* выражено специфически русское понятие. С исторической точки зрения, слово *воля* следовало бы сопоставлять не с его синонимом *свобода*, а со словом *мир*. В современном русском языке слово *мир* соответствует целому ряду значений (“отсутствие войны”, “вселенная”, “сельская община” и т.д.). Однако все указанное многообразие значений исторически можно рассматривать как модификацию некоего исходного значения, которое мы могли бы истолковать как “гармония”; “обустройство”; “порядок”. Вселенная может рассматриваться как миропорядок, противопоставленный хаосу (отсюда же греческое *космос*). Отсутствие войны также связано

⁴ Цит.: по [Радбиль 2012, с. 180].

с гармонией во взаимоотношениях между народами. Образцом гармонии и порядка, как они представлены в русском языке, или “лада”, если пользоваться словом, ставшим популярным после публикации известной книги Василия Белова, могла считаться сельская община, которая так и называлась – *мир*. Общинная жизнь строго регламентирована (“налажена”), и любое отклонение от принятого распорядка воспринимается болезненно, как «непорядок». Покинуть этот регламентированный распорядок и значит “вырваться на волю” [Шмелев 2000, с. 30–31].

Воля издавна ассоциировалась с бескрайними степными просторами, «где гуляем лишь ветер... да я». На связь понятия *воли* с «русскими просторами» указывает Д.С. Лихачев: «Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы. Тем, что воля вольная – это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством» («Заметки о русском») ... В отличие от *воли*, *свобода* предполагает как раз порядок, но порядок, не столь жестко регламентированный. Если мир концептуализуется как жесткая упорядоченность сельской общинной жизни, то *свобода* ассоциируется, скорее, с жизнью в городе. Недаром название городского поселения *слобода* этимологически тождественно слову *свобода*. Если сопоставление *свободы* и *мира* предполагает акцент на том, что *свобода* означает отсутствие жесткой регламентации, то при сопоставлении *свободы* и *воли* мы делаем акцент на том, что *свобода* связана с нормой, законностью, правопорядком («Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность делать все, чего не запрещает закон», – писал В.А. Жуковский). *Свобода* означает мое право делать то, что мне представляется желательным, но это мое право ограничивается правами других людей; а *воля* вообще никак не связана с понятием права» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012, с. 30–32].

Симптоматичны и суждения нашего известного лингвиста Е.С. Яковлевой о *специфически русском восприятии времени*. Она пишет о свойственном русским людям своеобразном очеловечении и одушевлении времени («в мое время», «в свое время», «его время прошло», «одну минуточку!», «миг» и т.п.), или, например, о том, что «вчерашний» и «завтрашний» могут обозначать что-то отжившее и, наоборот, прогрессивное («эта идея вчерашнего дня», «автомобиль нашего завтра» и т.п.). «Само функциональное размежевание близких по смыслу слов (*время / пора; сегодняшний / нынешний; теперь / нынче; прошедший, минувший / прошлый, прежний; в дальнейшем / впредь...*) отражает различное понимание самого времени носителями русского языка. Повторяемость событий, общность человеческих судеб ассоциируется с циклическим временем, а неповторимость, уникальность – с линейным... Особенностью русского языка является и большая употребимость упомянутых названий времени при описании событий: там, где англоязычный говорящий перейдет на язык специальных, вспомогательных, временных показателей, носитель русского языка будет продолжать использовать “основное” слово (со всем его “качественным” спектром), сравним не адекватный в этом смысле перевод из “Медного всадника”: *И с той поры [когда случилось Идти той площадью ему...] And ever since, when...* Английский отмечает точку на оси времени, не специфицированного событиями; русский же, используя слово *пора* (показатель времени космологического, ниспосылаемого, рокового...), заставляет осмыслить эту “точку” как поворотную в судьбе героя. При этом качественная спецификация

времени как “другого названия для жизни” (ее “нерв” – события и настроения) описывается в терминах времени. С этой точки зрения интересна группа русских показателей кратковременности *минута, миг, мгновение, момент*. Именно в русском языке слова эти выступают как элементарные (атомарные) единицы трех различных моделей времени (жизни). И если в английском фраза *till the moment* лишь указывает на некий пункт в развитии событий, точку во времени, то ее русские переводы *до этого мгновения / до этой минуты / до этого момента* сообщают и о характере событийного заполнения, “качестве” описываемой с помощью временных показателей жизни» [Яковлева 1994, с. 192–193].

Ранее уже указывалось на аксиологический (ценностно-ориентированный) характер русской языковой картины мира. Анализируя этот вопрос, Т.Б. Радбиль пишет: «Иногда только общность в сфере ценностей может объяснить сближение совершенно разных в номинативном плане понятий. Взять русские слова *любить* и *любой*. Случайна ли их звуковая общность? Нет, конечно, тем более она поддержана этимологически: слова восходят к одному корню. Не есть ли это свидетельство того особенного, “вселенского” характера русского понимания любви, того особого места этой любви в русской системе ценностей, о котором говорят нам русские философы, писатели, общественные деятели?.. Мир ценностей воплощается в языковом менталитете разными путями. Представления о ценностях могут входить в ядерную часть семантики ключевых для этноса слов – например, такие значимые для русских слова, как *вера, надежда, любовь*. Эти слова можно назвать *русскими культурными концептами...*». И – далее: «большая часть мира ценностей входит в язык скрыто, не присутствуя в семантике его слов ни на номинативном, ни на коннотативном уровне, но, тем не менее, являясь существенным условием для их правильного понимания» [Радбиль 2012, с. 224–225].

Об этом же применительно к слову «душа» прекрасно сказано в сборнике статей Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева «Ключевые идеи русской языковой картины мира»: «Слово “душа” широко используется не только в религиозных контекстах – *душа* понимается как средоточие внутренней жизни человека, как самая важная часть человеческого существа. Скажем, употребительное во многих западноевропейских языках латинское выражение *per capita* (буквально “на (одну) голову”) переводится на русский язык как *на душу населения*. Говоря о настроении человека, мы используем предложно-падежную форму *на душе* (например, *на душе и покойно, и весело; на душе у него скребли кошки*); при изложении чьих-то тайных мыслей употребляется форма *в душе* (например, *Она говорила: “Как хорошо, что вы зашли”, – а в душе думала: “Как это сейчас нестати”*). Если бы мы говорили по-английски, упоминание *души* в указанных случаях было бы неуместно. Не случайно мы иногда используем выражение “*русская душа*”..., но никогда как предполагающим рациональный контроль над своим поведением, который осуществляется из сферы не говорим об “английской душе” или “французской душе”» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005, с. 30].

В связи с вышесказанным целесообразно еще раз вернуться к аксиологически значимому слову «совесть», олицетворяющему противостояние разрушительным потенциям «воли» («совесть не велит», «имейте хоть каплю совести» и т.п.) [Апресян 1995]. «Совесть» по своим сущностным свойствам не агрессивна и не энергична (ее, например, можно «заглушить»), но в отличие от «воли», «совесть»

живет в человеке (в народе) постоянно и не в каждом факте своего проявления действует быстро, недолго и умирает, хотя может впасть в долгий летаргический сон. Ю.Д. Апресян показывает, что в русской языковой картине мира «совести» все же больше, чем «воли».

Специалисты выделяют и такую характерно русскую черту языковой аксиологии, как отмеченное О.А. Корниловым «неприятие какой бы то ни было жесткой регламентации, строгой иерархии в отношениях, некий нигилизм проявляются не только в неопределенности лексического оформления статусных отношений между людьми, но и в пронизывающем все и вся духе иронии и самоиронии. Русские склонны к шутке, иронии, самоиронии и подначке по своей природе, и это может проявиться даже в серьезной обстановке переговоров» [Корнилов 2003, с. 88].

Как уже отмечалось, одним из способов маркирования цивилизационных различий является хорошо известный частотный анализ использования близких по смыслу слов. Используя этот способ, А. Вежицкая приводит удивительные сопоставления распространенности словесного выражения одних и тех же понятий в английском и в русском языках. В специальных словарях обнаруживается, что, например, частотность английского слова *homeland*, равна 5, тогда как частотность русского слова *родина*, переводимого в словарях как “*homeland*”, составляет 172. Различие в 30(!) раз, видимо, не требует комментариев. Показательны и результаты анализа А. Вежицкой таких «ключевых слов» русской языковой картины мира, отразившейся в нашей культуре, как «судьба» и «душа».

Для того чтобы обосновать принадлежность конкретного слова к семейству «ключевых» для данной культуры, нужно, как пишет Т.Б. Радбиль, «прежде всего, установить (с помощью или без помощи частотного словаря), что слово, о котором идет речь, представляет собою общеупотребительное, а не периферийное слово. Может также понадобиться установить, что слово (какой бы ни была общая частота его употребления) очень часто используется в какой-то одной семантической сфере, например, в сфере эмоций или в области моральных суждений. Кроме того, может оказаться нужным продемонстрировать, что данное слово находится в центре целого фразеологического семейства, подобного семейству выражений с русским словом *душа*: *на душе, в душе, по душе, душа в душу, излить душу, отвести душу, открыть душу, душа нараспашку, разговаривать по душам* и т.д. Может быть, будет полезно также показать, что предполагаемое “ключевое слово” часто встречается в пословицах, в изречениях, в популярных песнях, в названиях книг и т.д. Но дело не в том, как “доказать”, является ли то или иное слово одним из ключевых слов культуры, а в том, чтобы, предприняв тщательное исследование какой-то части таких слов, быть в состоянии сказать о данной культуре что-то существенное и нетривиальное» [Радбиль 2012, с. 119–120].

Осуществив все вышеперечисленные процедуры, А. Вежицкая заключает: «Такие ключевые слова, как *душа* или *судьба*, в русском языке подобны свободному концу, который нам удалось найти в спутанном клубке шерсти: потянув за него, мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный “клубок” установок, ценностей, ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространенных сочетаниях, в устойчивых выражениях, в грамматических конструкциях, в пословицах и т.д. Например, слово *судьба* приводит нас к другим словам, “связанным с судьбою”, таким как *суждение, смирение, участь, жребий* и *рок*, к таким сочетаниям, как *удар судьбы*, и к таким устойчивым выражениям, как *ничего не поделаешь*, к граммати-

ческим конструкциям, таким как все изобилие безличных дативно-инфинитивных конструкций, весьма характерных для русского синтаксиса, к многочисленным пословицам и так далее» [Вежбицкая 1997, Вежбицкая 1999, с. 279]. Из таких и десятков подобных им ключевых понятий и складывается аксиологический каркас языковой картины мира русского человека – вербального образа русской цивилизации.

Русский церковнославянский: бессмертный или мертвый?

В пространстве русской цивилизации есть удивительный собрат нашего повседневного русского языка – церковнославянский. Он – не язык бытового общения (при том, что упрощенных вкраплений его в нашу речь очень много) и не язык нашей современной книжности. Сегодня – это язык православного богослужения и древнерусской литературы; новые же тексты, насколько мне известно, опять входят в круг акафистов и житий (в основном, новомучеников).

Церковнославянский язык – один из старейших книжных языков в Европе, и появился он у нас только после крещения Руси и с этого времени главным местом его пребывания стала русская цивилизация. С X в. до XVIII в. церковнославянский был на Руси тем самым письменно-книжным языком, каким была в средневековой Европе латынь. На церковнославянский переводились греческие и латинские богослужебные тексты, на нем писались «слова поучительные», летописи, жития и т.п.

Как отмечает В.М. Живов в историческом очерке, предпосланном популярному (не академическому и не вузовскому) учебнику церковнославянского языка, «после официального принятия христианства при св. Владимире в 988 г. на Руси утверждается и славянское богослужение, и славянская книжность... Русский и церковнославянский понимались не как разные языки, а как разные варианты одного языка. Такое понимание отражалось и на употреблении. Во-первых, разграничивались сферы применения вариантов, т.е. книжного и некнижного: *по-церковнославянски не вели бытовых разговоров, а по-русски не молились*. Во-вторых, когда русский человек писал книжные тексты, он пользовался своими знаниями родного языка, часто только переделывая на книжный лад обычные для него слова и обороты» [Живов 2001, с. 14, 21]. В предисловии к первому изданию цитируемого учебника академик Н.И. Толстой, крупнейший славист нашего времени, писал: «Без церковнославянского, бытовавшего на Руси, трудно себе представить развитие русского литературного языка во все эпохи его истории. Церковный язык, подобно латыни в западных романских странах, был всегда опорой, гарантией чистоты и источником обогащения русского нормированного языка» [Толстой 2001, с. 4].

Для многих писателей и поэтов, да и просто ревнителей благолепия русского языка, церковнославянский был не только источником вдохновения и образцом гармонической завершенности, стилистической строгости, но и стражем, как это полагал еще Ломоносов, чистоты и правильности пути развития русского («российского») языка. Утратил ли эту роль церковнославянский в наше время? Я полагаю, что не утратил, что именно эту функциональную сторону древнего языка, языка *не отрешенного от современности*, следует осознавать и воспринимать и в наше время. Мне известно, что во Франции любители и охранители чистоты французской речи так же относятся и к латыни, изучая и популяризируя этот средневековый международный европейский язык и даже стремясь сделать его уст-

ным, разговорным в определенных ситуациях и условиях. Они создали общество «живой латыни» (*le latin vivant*) никак не в ущерб, а на пользу родному французскому языку. Однако самым знаменательным событием, совершенным по такому поводу в недрах древнейшей цивилизации [Лексин (3) 2012, с. 52–98] в наше время и имеющем самое непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу о языке русской цивилизации, стало *воскрешение иврита*. Его создатель и пропагандист Бен Иегуда (новое имя филолога из Литвы Э. Перельмана, поселившегося в Иерусалиме в 1882 г.) «напрямую связал национальное возрождение евреев в Палестине с возрождением национального языка» [Звягельская 2012, с. 21]⁵. И.Д. Звягельская пишет: «Хотя сначала Бен Иегуда рассматривался многими своими соплеменниками как чужак и мечтатель, однако его фанатичная приверженность своей идее дала результаты. Несколько симпатизировавших ему преподавателей в новых еврейских поселениях, а также в городах поддержали его. В результате в поселениях появились дети, свободно изъяснявшиеся на иврите, которым овладели в качестве второго языка (первым, как правило, был идиш или русский). В конечном итоге казавшаяся безумной идея Бен Иегуды была воплощена в жизнь – иврит стал государственным языком Израиля» [Звягельская 2012, с. 21]. Пример поразительный; нашему церковнославянскому языку, разумеется, не уготована судьба иврита, но сам факт его возрождения мог бы стать поводом хотя бы для более уважительного отношения к многовековому языку наших предков.

В одной из своих публикаций авторы ранее упомянутого учебника церковнославянского языка пишут о мало изученном феномене *реального двуязычия русского дореволюционного общества*: письменным языком основной массы населения России был церковнославянский. На основе огромного фактического материала авторы утверждают: до 20-х годов XX в. «сфера употребления возникшего в XVIII веке нового литературного языка была ограниченной. Владение русским литературным языком не выходило за пределы образованной части общества... языком, которому учили крестьянских детей, был церковнославянский». Это сформировало еще один барьер между массово-народной и узко-элитарной частями культуры русского народа. В той же публикации А.Г. Кравецкий и А.А. Плетнева пишут, что «крестьянин, который умел читать по-славянски, но не читал гражданских книг, мог восприниматься как неграмотный... Программа переписи 1897 г. была ориентирована на государственный язык и не предусматривала возможности параллельного существования церковнославянской грамотности... при том, что существенная часть населения страны, в первую очередь, крестьяне, могли читать церковнославянские тексты, но не владели русским литературным языком. *Уровень церковнославянской грамотности в процентном отношении был более высоким, чем уровень русской грамотности*. Однако в господствующей культурной парадигме умение читать по-славянски рассматривалось не как элемент образованности, а как часть “нецивилизованной” народной культуры... Для носителей традиционной культуры богослужебные тексты были, вероятно, более понятными, чем произведения русской классической литературы» [Кравецкий, Плетнева 2001, с. 78–84].

⁵ Сама идея возрождения иврита была производной от идей политического сионизма. По этому поводу И.Д. Звягельская приводит слова из книги [Авинери 1989]: «Мы не можем оживить язык иврит иначе, чем в стране, где численность говорящего на иврите населения превысит число неевреев. Умножим же число евреев в нашей безлюдной стране и возвратим то, что осталось от нашего народа на землю предков; оживим нацию и оживет ее язык». История показала, что трудом подвижников идеи можно сделать и первое, и второе.

Труден ли церковнославянский язык для наших современников? *Изучить* церковнославянский язык (как и любой другой) во всех его лингвистических тонкостях, вероятно, сложно, но *воспринимать* на слух и *читать* хорошо известные богослужебные и другие тексты русскому человеку более чем просто⁶. Да, в нем есть несколько десятков слов, которые пишутся с титлами (знаками сокращения некоторых букв, стоящими над словом), в этом языке нет буквы (и звука) *е*, все слова читаются как пишутся («у него», а не «у ниво»), есть и еще несколько поводов для *запоминаний*. Примечательно, что призывы к обмирщению языка православных богослужений (то есть к совершению их на обыденном русском языке) раздаются, как правило, в среде людей, далеких от церковной жизни (но как бы радетелей о росте ее влияния на общество). Такие призывы можно слышать и от наиболее образованной части прихожан, которым, казалось бы, нужно не более нескольких часов, чтобы понять азы церковнославянского языка. Причина «непонятности» этого языка – в другом: в незнании основ христианской культуры⁷.

Совершенно не понятных, в основном, ушедших из русского разговорного языка или не прижившихся в нем слов, повторю, немного, и *заинтересованный* человек легко найдет их значение в больших и малых словарях. По моим наблюдениям, наибольшие проблемы создают не церковнославянские слова, не вошедшие в основной корпус современной лексики, а слова, воспринимаемые «на слух» как хорошо знакомые, но имеющие по сравнению с ними совершенно иное значение. Таких слов весьма много, они называются омонимами или, точнее, паронимами; понимать их действительный смысл в большинстве случаев просто необходимо, и недавно появилась книга, которая читается и как словарь, и, по слову, С. Маршака, как «древняя рассыпанная повесть». Это – труд нашего замечательного ученого и поэта О.А. Седаковой [Седакова 2005], – первая и блистательно удавшаяся попытка систематического исследования тысяч таких смысловых расхождений – прекрасный поводыр по полю нашей древней книжности, гораздо вольготней, чем может показаться, расположившейся в пространстве современного литературного и обиходного языка⁸.

⁶ При этом совсем необязательно знать, что устойчивая и легко запоминаемая форма обращений: «Пресвятая Богородице Марие»), а не «Богородица Мария»), «преподобне отче» (а не преподобный отец), «Царю небесный, Утешителю, Душе истинны» (а не «Царь небесный, Утешитель, Дух истинны») есть форма особого *звательного* падежа.

⁷ Простой пример. Заходит человек в церковь и слышит, как священник читает шестую песнь Великого канона св. Андрея Критского: «В судиях левит небрежением свою жену двенадцатым коленом раздели, душе моя, да скверну обличит от Вениамина беззаконную». Человек не понимает, о чем идет речь и считает, что это связано с непонятностью церковнославянского языка. Но ему предлагают перевод на современный русский, и он читает: «Во дни судей левит во гневе жену свою двенадцати коленам разделил, душа моя, дабы обличить беззаконную скверну колена Вениаминова» и снова ничего не понимает. А причина – не в языке. Для понимания процитированного отрывка величайшего творения средневековой христианской культуры нужно было бы прочитать одну из самых страшных глав Книги Судей о том, что случилось в городе насильников и мужеложцев с левитом и его наложницей. Стал бы ему понятней, человеку незнакомому с Библией или Торой, смысл всего великопостного богослужения, если бы оно велось на современном русском языке? Вопрос – риторический.

⁸ Вот лишь несколько примеров из 400-страничного словаря паронимов (привожу единственное или одно из двух-трех общепотребительных значений каждого слова). *Навыкати* – изучить, узнать (отсюда – навык). *Нагло* – внезапно. *Наказание* – вразумление, назидание, наказ. *Налог* – насилие, нападение. *Напрасно* – внезапно, неожиданно («напрасно судия придет»). *Нареченный* – званный, избранный, именитый. *Научити* – воспитать (!). *Невнимание* – непослушание. *Неверный* – не имеющий веры. *Неправда* – несправедливость, обида. *Непременный* – не знающий изменения, подлинный, вечный. *Нечаянный* – неожиданный. И т.д.

Значит ли это, что постоянно придется сталкиваться с трудностями поиска действительного смысла произносимых или прочитываемых слов? Нисколько; по крайней мере, они порядково легче преодолеваются, чем освоение интернет-сленга, но при одном условии – при наличии живого интереса к нашему языку и при умении (навыке) вслушивания в контекст использования каждого слова в конкретной фразе. Более того, элементарное углубление в суть церковнославянского языка не только расширяет словарный запас современной речи, но и обогащает ее дополнительными смыслами. Церковнославянский язык – не мертвый, а бессмертный способ русского речевого общения с Богом, на нем ежедневно творят молитвы миллионы граждан России и сопредельных стран. С живыми вкраплениями его слов, изречений и смыслов существует наш обиходный язык. Церковнославянский язык – наше цивилизационное достояние, и следует не порицать Русскую Православную Церковь за нежелание отказаться от этого языка, а возносить ей хвалу как хранительнице величайшего языкового сокровища.

Русский язык и глобальный английский

Глобализационный вызов цивилизационному и национально-этническому разнообразию не мог не распространиться и на языковую сферу, причем англо-американское обличье глобализма вполне естественно сделало его языком – английский. Это язык интернета и бизнеса (на английском ведется три четверти всех переговоров по международным сделкам), рекламы и политики, кино и образования, науки и туризма. В самых престижных вузах России чтение лекций и проведение семинаров на английском языке стало обыденным явлением. Десятки тысяч русских юношей и девушек получают высшее (или послевузовское образование) за рубежом, где все преподавание ведется на английском. После научных журнальных публикаций и в конце научных изданий принято давать аннотации на английском языке. Становятся англоязычными научные издания самых разных стран: считается, что это делает их доступными большему числу потенциальных читателей, а значит, и более тиражными. В начале XX в. число публикаций по естественным наукам и математике на немецком, английском и французском языках было примерно равным (доля публикаций на русском в этот период не превышала первые проценты, но к семидесятым годам прошлого века составила более 20%), к концу же столетия доля научных публикаций на английском составила 90%! Неудивительно, что даже в русскоязычных научных текстах основные термины все чаще параллельно сопровождаются англоязычными эквивалентами. Английский язык для бытового общения употребляют почти все, не знающие языка собеседника. Все больше сфер человеческой деятельности требует хотя бы элементарного знания английского языка – нового Эсперанто⁹, который как предтеча глобального языка заслуживает хотя бы краткого упоминания.

У меня сохранились экземпляры журнала *La Ondo de Esperanto* («Волна Эсперанто»), свидетельствующие о том, что интерес к Эсперанто бытовал не только среди людей, не знавших ни одного иностранного языка, но и в ученой

⁹ В литературе об Эсперанто это слово всегда обычно пишется с заглавной буквы.

среде, где знание нескольких иностранных языков было обязательным¹⁰. География корреспондентов журнала была невероятно обширна; кроме статей из-за рубежа, в нем публиковались сообщения не только из Москвы и Петербурга, но и из Киева и Серпухова, Гродно и Луганска, Одессы и Севастополя, Запорожья и Астрахани, Уфы и Бирска, Орла и Харькова, Лодзи и Риги, Владикавказа и Карса, Томска и Владивостока. В зарубежных статьях сообщалось, например, что нобелевский лауреат вручил в Сорбонне премии лучшим эсперантистам, что в университете Питсбурга (США) создается кафедра Эсперанто, что в Австралии ставят вопрос о преподавании Эсперанто в школе, что парламент штата Рио (Бразилия) издал закон, в силу которого при зачислении на государственную службу и на общественные должности (при прочих равных условиях) предпочтение должно отдаваться кандидатам, представившим от Бразильской Лиги Эсперантистов свидетельство в том, что они изучили этот язык. И это лишь малая часть подобных случаев. В первые годы советской власти Эсперанто был государственно опекаемым языком в связи с мечтами о будущем Интернационале народов всего мира. История драматического окончания этого проекта ярко описана в романе Л. Юзефовича «Казароза». У глобального английского (в перспективе – китайского), вероятно, судьба более благоприятная.

Сегодня обильные включения англицизмов в русский язык вызывают у его ревнителей немалые опасения. Однако все дело лишь в уместности и в норме, поскольку со времени первых контактов (торговых, военных) народов и этносов вместе с новыми товарами (землями, пленными) появлялись и новые слова, и сейчас, вероятно, нет ни одного народа, который не включил бы в свою речь иностранные (инорегиональные) слова в их первоизданном или в переименованном виде. Русский язык – тому наглядный пример, и в мое время не один школьник на соответствующем уроке получал домашнее задание отыскать заимствованное из другого языка существительное, начинающееся на букву «а».

Ни один язык в мире, особенно язык великого народа, никогда не страшился иноязычных заимствований, хотя в немалом числе стран с особой остороженностью относятся к *агрессивности и концентрации* таких заимствований. В современной же России языковая ситуация именно такова и связана она, в первую очередь, с освоением азов (в том числе и лексических) все еще иностранной для России рыночной экономики и с вестернизацией государственной политики и государственного устройства. Радио- и телепередачи, газеты, публикуемые отчеты компаний быстро ввели в повседневную речь ранее малоупотребительные слова *бизнес и приватизация, ваучер и брокер*, а затем – *бонус, волатильность, дилер, деривативы, дивиденды, инсайдер, кросс-курс, лот, ликвидность, маркетинг, монетаризм (и монетарная политика), опцион, оффшор, своп, трансферт, фьючерсы, форвертсы, хеджирование* и др. В описаниях политических событий появились слова и выражения *деидеологизация, идеократия, имиджмейкер, консенсус, легитимность, мондиализм, олигархат, популизм, рейтинг, саммит, субсидиарность, толерантность, трайбализм, харизма, электорат, элита* и др. Многие слова, утратив первоначальное позитивное начало, были переосмыслены в негативные; таковы, например, *пиар* и *лоббирование*. Не менее важно и то обстоя-

¹⁰ Например, в январском номере *Le Ondo de Esperanto* за 1914 г. среди множества публикаций помещены статьи профессоров Московского университета, ратующих за использование Эсперанто в качестве языка научных публикаций.

тельство, что указанные перемены совпали с лавинообразным распространением англоязыка пользователей интернета и жителей сети. Миллионы граждан России стали говорить, а, следовательно, думать на сетевом диалекте: смеси англоязычных терминов, их русифицированных вариантов, глагольных форм и т.п. *Бан* (и *баннер*), *браузер*, *вэб-сайт* (и просто *сайт*), *гаджет*, *девайс домен*, *интернет-провайдер*, *клики*, *логин*, *сервер*, *спам*, *форум* и т.п. стали словами обихода¹¹.

Погубят ли англицизмы и интернет-сленг русский язык? Перестанет ли русский быть одним из великих мировых языков или ему суждена судьба превращения в один из малоинтересных «неанглийских»? Доктор филологических наук, проректор по научной работе Московского института лингвистики А.В. Кирилина в обстоятельной статье на эту тему пишет: «Значительное число ученых описывает ситуацию при помощи пессимистических метафор: английский – *язык-убийца*, *язык-тиранозавр*, *язык-кукушонок в гнезде языков* и даже *лингвистический геноцид*, *лингвистический империализм*, *преступления против человечности в области образования* и т.д.». Автор приводит слова Деборы Камерон о том, что «повсеместно происходит насаждение единых норм общения, жанров и стилей речи под предлогом того, что они дают максимальный “эффект” коммуникации. На деле же *насаждается не чужой язык, а чужой взгляд*. Дело не в разнообразии языков, а в разнообразии и даже несоизмеримости воплощенных в них картин мира». А.В. Кирилина обращает внимание и на то, что «образовательная политика практически во всех странах обнаруживает явный уклон в сторону английского. В первые 2000-е гг. в Российской Федерации также наблюдалось сокращение числа изучающих какой-либо неанглийский язык – как в школах, так и в вузах. А в 2007 г. (кстати, объявленном Годом русского языка) в Москве была повышена зарплата учителям английского». Автор логично увязывает эту тенденцию с проблемой утраты родных языков: «исследования показывают, что, по меньшей мере, половина имеющихся на сегодня языков – под угрозой исчезновения. Около 96% населения земли говорит на 45 языках мира, и наречия малых народов исчезают в результате неравноправного контакта с более “сильными” местными конкурентами. Однако ранее такая тенденция наблюдалась, как правило, у бесписьменных, не имеющих широкой сферы функционирования языков. Сегодня же схожие процессы коснулись значительно более мощных языков, стоящих на верхних ступенях мировой иерархии. Да и их социальная база (число говорящих) вследствие негативных демографических тенденций сокращается» [Кирилина 2012].

«Почти во всех европейских странах, – далее пишет А. Кирилина, – государственные лингвистические учреждения, “официальная” лингвистика, как правило, настаивают на “нормальности”, закономерности и – за редким исключением – отрицают трагизм или негативный характер происходящих в языке изменений... За рассуждениями такого рода стоит идеология глобальных монополий, для которых важно “свободное движение людей и капиталов”. Национальные границы и территории – препятствие для глобализационной политики. Не очень нужны ей и национальные языки...»

¹¹ Это свойственно не только русскому языку. Дети и подростки, люди любых профессий и гастарбайтеры разных стран мира все более используют английский как жаргон бытового общения, как профессиональный язык (программисты и компьютерщики), как символ сопричастности иной, по их разумению, более высокой культуре. Распространяются и обратные языковые «инфекции» и здесь чаще всего не до диалектных тонкостей и языковых эквивалентов: формируются удивительные квази-языки. Изысканность *lingua* вытесняется варварской смесью *Franglais*, *Spandlish*, *Chinglish* и даже *Runglish*.

При формировании политического, культурного и этнического самосознания язык играет центральную роль. Там, где намерены укрепить сплоченность общности, всегда апеллируют к языку. В различных исторических контекстах он предстает как самой природой данная форма выражения сообщества, глубоко укорененная в его культурной, а иногда и этнической идентичности. Сегодня же все эти идеи объявляются социальными конструктами – продуктом манипуляции – и отбрасываются. Такой подход объясняет и появление многочисленных терминов: “постнациональный”, “наднациональный”, “глобальная идентичность”. Создание глобальной идентичности уже идет и выражается в появлении *метроэтничности* – типажа жителя крупного города, ориентированного лишь на “индивидуальный жизненный проект” с гедонистическим уклоном и не отягощенного национальной идентичностью. Говорит он, разумеется, на английском» [Кирилина 2012].

Думаю, что развитие рассматриваемых процессов будет зависеть не столько от объема англо- и интернет-вкраплений в живую ткань русского языка, сколько от того, каковым будет отношение к нашему языку как к действительно родному, от того, что явит русскоязычным людям и всему миру наши политика, экономика, наука и искусство, от того, наконец, насколько русскими будут ощущать себя говорящие по-русски. Здесь снова возникает ранее поставленный вопрос о том, нужно ли защищать русский язык как нацио-, государство- и цивилизационнообразующий? И если нужно, то какую роль в этом играет придание русскому языку статуса государственного?

Государственный среди государственных

Конституционный и законодательный статус русского языка очень высок. Конституцией РФ (ст. 68, п. 1) установлено: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык». Однако следует сразу отметить, что этот язык – не единственный имеющий статус государственного: таковыми в современной России являются и языки, принимаемые в качестве государственных во всех субъектах РФ, являющихся государствами, т.е. республиками. В той же статье Конституции РФ (п. 2) говорится: «Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации». При этом, как будет показано далее, число таких государственно-республиканских языков больше, чем число республик.

Правовой статус русского языка неоднократно закреплялся различными нормативными актами, но здесь я лишь кратко охарактеризую последний из них, а именно Федеральный закон 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (подписан Президентом РФ 2 июня 2005 г.). Этим законом определено, что статус русского языка как государственного языка России предусматривает *обязательность* его использования в сферах, определенных этим и другими федеральными законами¹², а также его *защиту, поддержку и обеспечение права*

¹² Среди них особое место занимает Федеральный закон 1807-1 от 25 октября 1991 г. «О языках народов Российской Федерации», который в настоящее время применяется в редакции федеральных законов 126-ФЗ от 24.07.1998 г. и 165-ФЗ от 11.12.2002 г.

наших граждан на его использование. Статус этого языка столь высок, что порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного (в том числе правил русской орфографии и пунктуации) определяется Правительством РФ. При этом не должно допускаться использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общепотребительных аналогов в русском языке. Одновременно оговаривается, что обязательность использования государственного языка России не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов России.

Рассматриваемым законом определены сферы *обязательного использования* государственного языка России; это, в первую очередь, деятельность и наименование федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности (в том числе их деятельность по ведению делопроизводства), подготовка и проведение выборов и референдумов, а также конституционное, гражданское, уголовное, административное судопроизводство и делопроизводство во всех федеральных и субфедеральных судах. Русский язык также на законных основаниях *обязателен* при оформлении документов, удостоверяющих личность гражданина России, при изготовлении бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния, при оформлении документов об образовании, выдаваемых имеющими государственную аккредитацию образовательными учреждениями, при оформлении адресов отправителей и получателей телеграмм и почтовых отправлений (в том числе почтовых переводов денежных средств), пересылаемых в пределах нашей страны.

Весьма существенны установленные рассматриваемым законом требования *обязательного* использования русского языка в деятельности общероссийских, региональных и муниципальных организаций телерадиовещания, редакций общероссийских, региональных и муниципальных периодических печатных изданий¹³. Закон обязывает употреблять нормативную лексику государственного языка, однако в нем сделано многозначительное исключение, допускающее использование и ненормативной лексики (проще говоря, матерщины и «блатного» сленга) в случаях, если это «является неотъемлемой частью художественного замысла».

Для того чтобы наши граждане могли воспользоваться правом на пользование русским государственным языком законом 53-ФЗ предусмотрено получение образования на этом языке во всех государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Но здесь-то и возникает проблема *своеобразной конкуренции государственных языков России, субъектов РФ и родных языков как таковых* (п. 3 ст. 68 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития»).

Ранее упомянутый Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» в вводной части справедливо указывает на то, что «языки народов Россий-

¹³ За исключением деятельности организаций, учрежденных специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик и других языках народов России или на иностранных языках.

ской Федерации – национальное достояние нашего государства, что они находятся под защитой государства и что государство на всей территории России способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия». В соответствии с этим законом Федерация гарантирует *всем ее народам независимо от их численности* равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования *языка общения*, а также языка воспитания, обучения и творчества независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания любого гражданина. При этом в местностях компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик допускается использование в *официальных сферах общения* языка населения данной местности. К сожалению, ни в этом, ни в других нормативных актах не установлено, что понимать под языками родными и национальными, языками общения, воспитания и т.д.

Отдельный вопрос – образование. В законе о русском языке как государственном указывается, что на этом языке ведется преподавание во всех государственных и муниципальных образовательных учреждениях страны. Но закон о языках народов России в ст. 9 определяет, что наши граждане имеют *право свободного выбора* языка воспитания и обучения, а также право на получение *основного общего образования на родном языке*, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Это право должно обеспечиваться «созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, а также созданием условий для их функционирования». Само же право выбора образовательного учреждения с тем или иным языком воспитания и обучения детей принадлежит родителям или лицам, их заменяющим в соответствии с федеральным законодательством, а «гражданам, проживающим за пределами своих национально-государственных и национально-территориальных образований или не имеющим таковых, представителям малочисленных народов и этнических групп государство оказывает содействие в организации различных форм воспитания и обучения на родном языке независимо от числа таких граждан и в соответствии с их потребностями». Положения, безусловно, правильные, но возникает вопрос об их реализации при новых подходах к финансированию образовательных учреждений (сокращение малокомплектных школ и т.п.) и при необходимости сдачи пресловутого ЕГЭ¹⁴.

Можно услышать, что рассмотренное языковое законодательство является достижением «новой российской демократии», однако это не так. Еще в ст. 34 Конституции СССР 1923 г. статус «общеупотребительных в союзных республиках» получили русский, белорусский, украинский, армянский, грузинский и тюрко-татарский языки. При этом закреплялось право пользования «родным языком» и, в частности, ведение судопроизводства на этом языке для граждан, владеющих только таким языком, создание национальных школ и т.п. Это подтвердили, например, Постановление

¹⁴ Отмечу, что закон о языках народов России позаботился и о неграмотных (подтверждая их наличие в стране некогда поголовной грамотности). В ст. 5 этого закона говорится: «государство гарантирует гражданам осуществление основных политических, экономических, социальных и культурных прав вне зависимости от их знания какого-либо языка, и знание или незнание языка не может служить основанием для ограничения языковых прав граждан Российской Федерации».

III Съезда Советов Союза ССР «О национальных меньшинствах» (принято 26 мая 1925 г.) и различные нормативно-правовые акты союзных республик о защите не только основного «государственного» («общеупотребительного») и других национальных языков (в ряде случаев они назывались «употребительными»), каких, как правило, было немало в многонациональной среде этих республик¹⁵.

Анализируя конституционные и другие нормативно-правовые акты союзных республик в «начальный период советского языкового строительства», наш современник П.Ю. Зимин пишет, что «соответствующее право (а) касалось возможности пользоваться “употребительным”, то есть получившим наибольшее распространение и знание, языком в ряде официальных сфер общения: при подаче жалоб и обращений, проведении судопроизводства, при контактах с государственными органами, но, как правило, гражданами Советского государства, (б) гарантировалось не только в отношении русского языка и наиболее употребительных в соответствующем государственном либо административном образовании языков, но и в случае невладения такими языками и (в) было гарантировано законодательными положениями специальной направленности в отношении национальных меньшинств». П.Ю. Зимин подчеркивает: «Особым гарантом являлась норма Закона о том, что нарушение правил о языке *судопроизводства* является основанием для отмены судебного решения. В дальнейшем данное положение было воспринято и законодательством Российской Федерации (в том числе отраслевым уголовно-процессуальным) в части отмены приговора, если не были учтены правила о языке. Кроме того, давались особые гарантии в отношении автономных образований... За гражданами РСФСР признавалось право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни. Одной из гарантий права на пользование родным языком стала возможность получения образования на родном языке, ибо без возможности изучить родной язык нет необходимости следующим поколениям пользоваться им вне сфер межличностного неофициального общения. В Конституции СССР 1936 г. уже провозглашалось, что гарантировано обучение в школе на родном языке, причем последнее гарантировалось и представителям национальных меньшинств» [Зимин 2009, с. 81–88].

Сколько же сейчас государственных и официальных языков в России? Анализ регионального законодательства на начало 2012 г. свидетельствует – более сорока. В число государственных языков входят: русский (используется на всей территории страны и в качестве второго государственного языка во всех республиках), адыгейский (Республика Адыгея), алтайский (Республика Алтай), башкирский (Республика Башкортостан), бурятский (Республика Бурятия и Забайкальский край), ингушский (Республика Ингушетия), кабардино-черкесский и карачаево-балкарский (Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика), калмыцкий (Республика Калмыкия), язык коми (Республика Коми), ногайский (Карачаево-Черкесская Республика), марийский (Республика Марий Эл), мокшанский (Республика Мордовия), осетинский (Республика Северная Осетия), татарский (Республика Татарстан), тувинский (Республика Тува), удмуртский (Республика Удмуртия), хакасский (Республика Хакасия), чеченский (Чеченская Республика), чувашский (Чувашская Республика), эрзянский (Республика Мордовия), якутский (Республика Саха-Якутия). По Конституции Республики Дагестан государствен-

¹⁵ Любопытные материалы по этому вопросу собраны в раритетной книге [Дурденевский 1927].

ными на территории республики являются русский язык и *все* (письменные – В.Л.) языки народов Дагестана: аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский и чеченский. К этому внушительному перечню необходимо добавить языки *официального общения*, используемые в ряде случаев наравне с государственными языками в местах компактного проживания ряда народов: вепский (Республика Карелия), долганский (Красноярский край и Республика Якутия), карельский (Республика Карелия), казахский (Республика Алтай), коми-пермяцкий (Пермский край), мансийский (Ханты-Мансийский автономный округ), ненецкий (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), финский (Республика Карелия), чукотский (Республика Якутия, Чукотский автономный округ), эвенкийский и эвенский (Республика Якутия) и некоторые другие.

Использование русского языка, несмотря на его государственный статус, стремительно сокращается по трем причинам: во-первых, на территории России снижается число русских людей (у них соотношение смертности и рождаемости наихудшее среди всех народов, населяющих нашу страну), во-вторых, резко сокращается число русскоговорящих за пределами России (во всех постсоветских государствах, кроме Белоруссии, и в странах бывшего СЭВ этот язык фактически вытеснен из официального обращения и вытесняется из системы образования¹⁶, задачей же новых русских эмигрантов становится не сохранение родного языка, а скорейшее его замещение, – особенно у детей – языком принявшего государства), и, в-третьих, сокращением объема изучения и использования русского языка в самой России (второстепенность изучения русского языка и литературы в образовательном процессе, катастрофическое обеднение в связи с этим словарного запаса, ранее отмеченные интенсивная англоязычная и интернет-сленговая языковая экспансия).

В свое время краткий период сословного двуязычия (вспомним, что пушкинская Татьяна «по-русски плохо знала», и приведенное в «Евгении Онегине» ее знаменитое письмо – перевод с французского) не сказался на масштабах и роли «великого и могучего». Это не мешало православным миссионерам и энтузиастам просвещения создавать культуру этнонациональных языков, разрабатывать словари, учебники родной речи и т.п. Мне встречалось свидетельство того, что в дворянском обществе Якутска XIX в. дамы переходили с русского языка на якутский с меньшей легкостью, чем в Петербурге – с французского на русский.

Русский язык, объединяя и распространяя русскую цивилизацию, сам наполнялся уместно заимствованной речью народов, обитавших в пространстве этой цивилизации. Круг таких языковых ассимиляций был необычайно широк; наиболее разработана эта тема применительно к тюркизмам, о которых в свое время написал чрезвычайно популярные книги Олжас Сулейменов¹⁷. При этом языковое движение было взаимным. В быт нерусских народов вместе со словами русского

¹⁶ Потеря официально закрепленного статуса русского языка и, главное, возможности нормального языкового общения и образования в последнее время привлекла внимание экспертов в связи с продолжающейся неурегулированностью этого вопроса на Украине, с агрессивным неприятием русского языка в Латвии и Литве, с предложениями об отмене статуса русского языка как одного из официальных языков в Киргизии и с т.п. акциями.

¹⁷ Культурологические и языковедческие работы этого прекрасного поэта были неодобрительно встречены в ученых кругах, но затем, по моим наблюдениям, правда восторжествовала. Сейчас перечень книг и статей о языковых заимствованиях насчитывает сотни наименований.

языка входили его смыслы и понятия, пословицы с их моралите и т.п. Русский народ получил не меньше.

Возникают новые проблемы с русским языком и в связи с все более широким и русско-вытесняющим обучением национальным языкам. Традиция школьного обучения на нерусских (национальных, этнических) языках у нас насчитывает почти три века, и в этом отношении Россия была, вероятно, одной из первых. После революции такие школы стали называться национальными, с 1938 г. в них ввели русский язык в качестве обязательного предмета, а в сороковые годы в этих школах начальное (четырёхклассное) обучение шло только на национальных языках, последующие три-четыре года – на двуязычной основе и два последних – только на русском. Но все это было в СССР, в составе которого РСФСР была одной из пятнадцати равных ей по статусу союзных республик, и единственной федеративной, включающей много национальных автономий, округов и районов при наличии *единого* государственного языка. Двадцать лет назад ситуация коренным образом изменилась, и в составе России (бывшей РСФСР) появились национальные государства – республики с собственными, как уже отмечалось, государственными языками.

В 2010 г. в России бытовало 239 языков и диалектов, из которых в школах изучали около 90, а на сорока из них велось полное обучение, причем качество его по оценкам специалистов не всегда соответствовало общегосударственным стандартам. По данным «Вестника образования» (2008, № 2), из восьми типов наиболее распространенных национальных школ (татарские, башкирские, якутские, чувашские, аварские, марийские, даргинские, тывинские) на три первых приходилось 67% (из них на татарские – 41%). При этом в республике Татарстан на татарском языке обучение велось в 53% всех школ, а в Республике Тыва – в 80%.

Ситуацию комментирует руководитель Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования Ольга Артеменко: «В школах, где преподается какой-либо национальный язык, сокращается количество часов на преподавание русского. Из-за подмены понятия в федеральном и региональных законодательствах о языке, именно русский язык часто оказывается ущемленным. Его статус принижается... Равноправие языков в некоторых регионах понимается как выделение равного количества часов на изучение русского и национального (родного) языка. В Татарстане, к примеру, абсолютно во всех школах учат татарский язык и татарскую литературу. Причем если русского там четыре часа, то татарского может быть 5 или даже 6, за счет дополнительных часов, которые имеет право вводить республика» [Ивойлова 2011]¹⁸.

* * *

Бесспорна огромная роль языка в формировании и развитии цивилизаций, самобытных культур и в связанной с этим суверенности человеческих сообществ. Язык каждой цивилизации единственен ей; он рождается одновременно с цивилизацией, становится ее зеркалом и хранителем. И неудивительно, что неадапционное размывание языка и расширение разрыва между ним и «новоязом» есть надежный

¹⁸ Согласно «Справке РГ» к этой статье хорошо знают родной язык (более 95% населения) тывинцы, даргинцы, ингуши, чеченцы, осетины и татары. Не хотят изучать родной язык 13% евреев, 48% хантов, 37% эвенов, 33% коряки и нанайцы, 23% эвенков.

симптом надвигающегося (или уже начавшегося) угасания цивилизации как таковой. Стоит ли напоминать о том, что первый глобальный проект – строительство Вавилонской башни – не состоялся из-за языковых проблем?

В защиту нашего языка выступают педагоги и ученые, политики и журналисты, но их озабоченность этой проблемой, по моим наблюдениям, практически не разделяют все менее читающий русский народ и наши властные структуры. Ситуация угрожающая, поскольку, по данным международного тестирования PISA¹⁹, Россия среди 65 стран по качеству чтения и понимания текста старшеклассниками за несколько последних лет опустилась с 27-го на 41-ое место. Правда, важность проблемы укрепления позиций русского языка как единственного средства языковой консолидации народов России постепенно начинает осознаваться. Косвенным подтверждением этого стало упоминание значимости проблемы в ряде выступлений Президента РФ В.В. Путина и проведение в середине ноября 2013 г. в Москве учредительного съезда Ассоциации учителей русского языка и литературы, инициатором которого выступила Администрация Президента РФ. Пока же можно констатировать, что русская цивилизация продолжает терять свою созидательную энергию и на языковом уровне.

Литература

- Авинери Ш. (1989) Основные направления в еврейской политической мысли. Тель-Авив.
- Апресян Ю.Д. (1986) Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Сб. науч. статей. М.: Наука.
- Апресян Ю.Д. (1995) Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. № 1.
- Бибихин В.В. (2010) Язык // Новая философская энциклопедия, т.4. М.: Мысль.
- Вежбицкая А. (1997) Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари.
- Вежбицкая А. (1999) Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры.
- Гумбольдт В. (1984) Избранные труды по языкознанию / Под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс.
- Дурденевский В.Н. (1927) Равноправие языков в советском строе». М.
- Живов В.М. (2001) Исторический очерк. О церковнославянском языке // Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. 2-е дополненное и исправленное издание. М.: Древо добра.
- Зализняк Анна А. (2006) Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянской культуры.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев И.Д. (2005) Ключевые идеи русской картины мира. Сб. статей. М.: Языки славянской культуры.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. (2012) Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур.
- Звягельская И.Д. (2012) История государства Израиль. М.: Аспект Пресс.
- Зимин П.Ю. (2009) Практика законодательного регулирования права на пользование родным языком в советский период // Государственный аудит. Право. Экономика. № 3.
- Ивойлова И. (2011) На чужом языке // Российская газета. 5 июля 2011.
- Ирзабеков В.Д. (2007) Тайны русского слова. М.: Даниловский благовестник.

¹⁹ Programme for International Student Assessment – осуществляемая ОЭСР программа по оценке образовательных достижений учащихся.

- Ирзабеков В.Д. (2012) Святая сила слова. Не предавать родной язык. М.: Благовест.
- Караулов Ю.Н. (1987) Русский язык и языковая личность. М.: Наука.
- Кирилина А. (2012) Глобализация и судьбы языков. Останется ли русский – великим и могучим // Литературная газета. 8–14 февраля 2012.
- Кожин А.Н. (1981) Литературный язык Киевской Руси. М.: Русский язык.
- Колесов В.В. (1999) Жизнь происходит от слова. СПб.: Златоуст.
- Корнилов О.А. (2003) Языковые картины мира как производные национального менталитета. М.: Че-Ре.
- Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. (2001) История церковнославянского языка в России: Конец XIX–XX в. / Отв. ред. А.М. Молдован. М.: ЯСК.
- Лексин В.Н. (1) (2012) Искусство и научная картина мира // Гуманитарные и естественные науки: проблемы синтеза. М.: Научный эксперт.
- Лексин В.Н. (2) (2012) Русская цивилизация: опыт системной диагностики // Мир России. № 4. С. 3–39
- Лексин В.Н. (3) (2012) Цивилизационно-аксиологический анализ в системной диагностике социально-экономических и политических процессов // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 2011–2012. Вып.36. М.: ЛЕНАНД. С. 52–98.
- Лихачев Д.С. (1987) Заметки о русском // Лихачев Д.С. Избранные работы. Т. 2. Л.: Художественная литература.
- Радбиль Т.Б. (2012) Основы изучения языкового менталитета. М.: ФЛИНТА, Наука.
- Седакова О.А. (2005) Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина.
- Толстой Н.И. (2001) Предисловие к первому изданию // Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. 2-е дополненное и исправленное издание. М.: Древо добра.
- Уорф Б.Л. (1960) Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Новое в лингвистике. Выпуск 1. М.: Прогресс.
- Шмелев А.Д. (2000) Широта русской души // Логический анализ языка: Языки пространства. М.: Языки славянской культуры.
- Яковлева Е.С. (1994) Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис.

RUSSIAN CIVILIZATION: THE FORMATION AND PROSPECTS

Linguistic Representation of Russian Civilization

V. LEKSIN*

***Vladimir Leksin** – Leading Research Fellow, Institute for Systems Analysis of the RAS. Address: 9, Prospect 60-letiya Octyabrya, Moscow, 117312, Russian Federation. E-mail: leksinvn@yandex.ru.

Abstract

The article focuses on linguistic representation of civilizations and particularly the role, which languages play in their crystallization and persistence. Although direct and inverse relationships between language structures and the development of community have long been established by linguists and philologists, they are often disregarded by historians, ethnologists and other social scientists who venture on the path of studying ancient and modern civilizations. In this article we show why Russian civilization cannot be conceived without such essential components as Russian mindset, its particular worldview and language axiomatics.

As nation-specific symbolic representation of knowledge about the surrounding world, linguistic mentality forms archetypical word-images of the Russian world and, at the same time, becomes a separate independent feature of both individual and ethnic group and/or civilization. Linguists have long established that the linguistic personality of Russians has shaped itself along with the shaping of Russian civilization by developing certain structures at verbal-semantic, lingua-cognitive, axiological and pragmatic levels.

In this article we particularly explicate the reasons which underlie the spreading of the Church Slavonic language among Russian peasantry and its further transformation into predominantly sacred language, which is used in prayers and liturgical practices of the numerous Orthodox Russians today. With regard to the spreading of English language as global means of international communication we show that the emergence of so called ‘anglicisms’ (the use of English terms in everyday Russian language) is reinforced by the new system of market relationships and economic institutions, as well as intense development of communication technologies (particularly, the Internet), which imply the adoption of new terms.

At last, we regard the paradoxical situation of coexistence of Russian language along with dozens of other languages officially adopted in several Russia’s regions.

Particularly, we pay attention to the fact that the use of Russian language is rapidly decreasing due to internal and external factors (i.e. deteriorating demographic situation, inconsistent education policies, the impoverishment of Russian everyday lexics, etc.)

Keywords: Russian language, civilization, mentality, worldview, Church Slavonic language, anglicisms, state language

References

- Apresyan Yu.D. (1986) Deiksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deiksis in Vocabulary and Grammar and Naïve Model of the World.]. *Semiotika i informatika. Sbornik nauchnykh statei* [Semiotics and Informatics. Collected Edition of Scientific Works], Moscow: Nauka.
- Apresyan Yu.D. (1995) Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [Man's Image According to Linguistic Data: an Attempt of Systems Description]. *Voprosy yazykoznaniiya*, no 1.
- Avineri Šh. (1989) *Osnovnye napravleniya v evreiskoi politicheskoi mysli* [Main Trends in Jewish Political Ideas], Tel-Aviv.
- Bibikhin V.V. (2010) Yazyk [Language]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, t. 4 [New Philosophical Encyclopedia, vol. 4], Moscow: Mysl'.
- Durdenevskii V.N. (1927) *Ravnopravie yazykov v sovetskom stroe* [Equality of Rights between Languages in the Soviet Formation], Moscow.
- Humboldt W. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. Pod red. i s predisl. G.V. Ramishvili* [Selected Works on Linguistics. Ed. by G.V.Ramishvily], Moscow: Progress.
- Ivoilova I. (2011) Na chuzhom yazyke [In Foreign Language]. *Rossiiskaya gazeta*, 5 July 2011.
- Irzabekov V.D. (2007) *Tainy russkogo slova* [Secrets of a Russian Word], Moscow: Danilovskii blagovestnik.
- Irzabekov V.D. (2012) *Svyataya sila slova. Ne predavat' rodnoi yazyk* [Saint Power of a Word. Not to Betray Native Language], Moscow: Blagovest.
- Karaulov Yu.N. (1987) *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality], Moscow: Nauka.
- Kirilina A. (2012) Globalizatsiya i sud'by yazykov. Ostanetsya li russkii – velikim i moguchim [Globalization and Future of Languages. If Russian Remains Great and Powerful]. *Literaturnaya gazeta*, 8–14 February 2012.
- Kolesov V.V. (1999) *Zhizn' proiskhodit ot slova* [Life Comes from Word], St. Petersburg: Zlatoust.
- Kornilov O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nogo mentaliteta* [Linguistic Pictures of the World as Derivates of National Mentality], Moscow: Che-Re.
- Kozhin A.N. (1981) *Literaturnyi yazyk Kievskoi Rusi* [Literary Language of Kievan Russia], Moscow: Russkii yazyk.
- Kravetskii A.G., Pletneva A.A. (2001) *Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka v Rossii: Konets XIX–XX v.* [History of Church Slavonic Language in Russia: the End of the XIX–XX Centuries], Moscow: YaSK.
- Leksin V.N. (1) (2012) Iskusstvo i nauchnaya kartina mira [Art and Scientific Picture of the World]. *Gumanitarnye i estestvennye nauki: problemy sinteza* [Humanitarian and Natural Sciences: Problems of Synthesis], Moscow: Nauchnyi ekspert.
- Leksin V.N. (2) (2012) Russkaya tsivilizatsiya: opyt sistemnoi diagnostiki [The Russian Civilization: a Case for System Diagnostics]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 3–39.
- Leksin V.N. (3) (2012) Tsivilizatsionno-aksiologicheskii analiz v sistemnoi diagnostike sotsial'no-ekonomicheskii i politicheskikh protsessov [Civilizedly-Axiologic Analysis in Systems Diagnosis of Social, Economic and Political Processes]. *Sistemnye issledovaniya*.

- Metodologicheskie problemy*. Ezhegodnik 2011–2012. Vypusk 36 [Systems Researches. Methodological Problems. Yearbook 2011–2012. Issue 36], Moscow: LENAND, pp. 52–98.
- Likhachev D.S. (1987) Zametki o russkom [Notes on Russian]. Likhachev D.S. *Izbrannye raboty*, T. 2 [Selected Works. Vol. 2], Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
- Radbil' T.B. (2012) *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta* [Principles of Studying Linguistic Mentality], Moscow: FLINTA, Nauka.
- Sedakova O.A. (2005) *Tserkovnoslavyano-russkie paronimy. Materialy k slovaryu* [Church Slavonic Paronyms. Materials to Dictionary], Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina.
- Shmelev A.D. Shirota russkoy dushi. [Wideness of Russian Soul]. *Logicheskii analiz yazyka: yazyki prostranstva* [Logic Analysis of Language: Languages of Space], Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Tolstoi N.I. (2001) Predislovie k pervomu izdaniyu [Preface to the First Edition]. Pletneva A.A., Kravetskii A.G. *Tserkovnoslavyanskii yazyk* [Church Slavonic Language], Moscow: Drevo dobra.
- Vezhbitskaya A. (1997) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition], Moscow: Russkie slovari.
- Vezhbitskaya A. (1999) *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic Universals and Description of Languages], Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Whorf B.L. (1960) Nauka i yazykoznanie. O dvukh oshibochnykh vozzreniyakh na rech' i myshlenie, kharakterizuyushchikh sistemu estestvennoi logiki, i o tom, kak slova i obychai vliyayut na myshlenie [Science and Linguistics. On two Wrong Views Concerning Speech and Thinking, Characterizing Natural Logic System and on How Words and Customs Influence Thinking]. *Novoe v lingvistike*. Vypusk 1 [New in Linguistic. Issue 1], Moscow: Progress.
- Yakovleva E.S. (1994) *Fragmenty russkoi yazykovoï kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of Russian Linguistic Picture of the World (Models of Space, Time and Perception)], Moscow: Gnozis.
- Zaliznyak Anna A. (2006) *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Multivalence in Language and Ways of its Representing], Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev I.D. (2005) *Klyucheveye idei russkoi kartiny mira. Sbornik statei* [Key Ideas of the Russian Picture of the World. Collected Works], Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira* [Constants and Variables of the Russian Picture of the World], Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Zhivov V.M. (2001) Istoricheskii ocherk. O tserkovnoslavyanskom yazyke [Historical Outline. On Church Slavonic Language]. Pletneva A.A., Kravetskii A.G. *Tserkovnoslavyanskii yazyk* [Church Slavonic Language], Moscow: Drevo dobra.
- Zimin P.Yu. (2009) Praktika zakonodatel'nogo regulirovaniya prava na pol'zovanie rodnym yazykom v sovetskii period [Practice of Legislative Regulating the Right to Use Native Language in the Soviet Period]. *Gosudarstvennyi audit. Pravo. Ekonomika*, no 3.
- Zvyagel'skaya I.D. (2012) *Istoriya gosudarstva Izrail'* [The History of the Israel State], Moscow: Aspekt Press.